

УДК 67:7 (930.25)

**Народное искусство
и производство у крымских
татар: исследование
У. А. Боданинского**

М. Ю. Киселев,

*Архив Российской академии наук,
г. Москва, Российская Федерация*

**Folk art and manufacturing
of Crimean Tatars: a study
by U. A. Bodaninsky**

M. Yu. Kiselev,

*The Archive of the Russian Academy
of Sciences,
Moscow, the Russian Federation*

Аннотация

В статье представлена информация о хранящейся в Архиве Российской академии наук копии исследования (машинопись) этнографа и искусствоведа У. А. Боданинского «Народное искусство и производство у крымских татар», отложившейся в документах Научно-исследовательского института национальностей ЦИК СССР, существовавшего в 1933-1936 гг. В исследовании приведены сведения о развитии в XIII в. – 1920-х гг. в Крыму среди татарского населения: зодчества, живописи, кустарного и кожевенного производства, ткацкого дела, технологии обработки шерсти, выделки тканей, вышивки, обработки дерева и металла. Заключительная часть исследования посвящена состоянию народного искусства и производства у крымских татар к 1930 гг. и перспективам их развития. Отмечалось большое значение организации артелей и фабрик, техникума кустарной промышленности, создания Государственного музея в Бахчисарае, где собирались, изучались и экспонировались памятники татарской культуры, искусства и производства. Представленная информация позволит расширить источниковедческую базу по истории татарского народа в Крыму и может быть использована в исследовательских и образовательных целях.

Abstract

The article deals with a copy of the research (typewriting) of the ethnographer and art critic U. A. Bodaninsky named "Folk art and manufacturing of Crimean Tatars" and kept in the Archive of the Russian Academy of Sciences. It was deposited among the documents of the Research Institute of Nationalities of the Central Executive Committee of the USSR which existed in 1933-1936. The study describes the development of various manufactures in the Crimea among the Tatar population from the 13th century to the 1920s, such as architecture, oil painting, craft and leather industry, weaving, wool processing technology, fabric manufacturing, embroidery, wood and metal processing. The final part of the study is devoted to the state of the folk art and manufacturing of Crimean Tatars by the 1930s and their development prospects. The

author emphasizes the great importance of arranging craft societies and factories, the craft industry technical school, and the establishment of the State Museum in Bakhchisarai where monuments of Tatar culture, art, and manufacture were collected, studied, and displayed. The information provided will expand the source study base on the history of the Tatar people in the Crimea and may be used for research and educational purposes.

Ключевые слова

История, татары, Крым, народное искусство, производство, У. А. Боданинский, архив, Российская академия наук.

Keywords

History, Tatars, Crimea, folk art, manufacturing, U. A. Bodaninsky, archive, the Russian Academy of Sciences.

Архив Российской академии наук остается одним из старейших и крупнейших ведомственных архивохранилищ России, в котором сохранились документальные комплексы по истории Академии наук, ее учреждений и организаций науки и культуры, фонды личного происхождения ученых. В собраниях архива имеется архивный фонд Всесоюзного центрального комитета нового (латинизированного) алфавита при Совете национальностей ЦИК СССР. Среди документальных комплексов фонда отложились документы Научно-исследовательского института национальностей ЦИК СССР, существовавшего в 1933-1936 гг. В документах института сохранилась копия исследования (машинопись) этнографа и искусствоведа Усеина Абдредиевича Боданинского (1877-1938) «Народное искусство и производство у крымских татар»¹.

Обратимся к тексту исследования У. А. Боданинского, в котором отмечалось, что монголо-татары появились в Тавриде в первой четверти XIII в., где их привлекали мягкий климат, обилие пастбищ, проточных вод и наличие богатых греческих торговых колоний по берегам Черного моря. К середине XIII в. они прочно обосновались в северо-восточной части Крымского полуострова, где положили начало большому оседлому и торговому центру города Крыма (нынешний Старый Крым, близ Феодосии), стали продвигаться дальше на юг, и к концу XIII в. вся Таврида была включена в состав Золотой Орды. Культура и искусство татар в Крыму, по утверждению ученого, развивалось в тесной зависимости от системы их скотоводческого хозяйства до XVI в., скотоводческо-земледельческого – в течение XVI в. и земледельческо-скотоводческого – с XVII в., совпадающих с феодальным строем. С проникновением в начале XIV в. мусульманского торгового капитала, в Крымском юрте стали развиваться торговля и мелкая кустарная промышленность. Под влиянием древних обитателей полуострова – греков и готов, татары с конца XVI в. перешли на специальное культурное хозяйство по долинам рек в южной части Крыма.

Отдельно в работе выделен раздел «Зодчество», в котором ученый отмечал, что для пастуха-кочевника необходимо было складное жилье, приспособленное для частых переходов вместе со стадами в поисках удобных пастбищ. Жилище должно быть легкое, простое, рациональное по форме и конструкции, теплое – для защиты людей от холода и непогоды. Таким образом, был выработан тип круглой юрты с полукруглым покрытием, посередине которого оставалось отверстие для выхода дыма от очага. Каркас юрты делался из прямых деревянных упругих прутьев, стенки и верх покрывались войлоком. Внутреннее убранство состояло из войлока, ковров и весьма ограниченного количества самых необходимых бытовых вещей из дерева

и металла. Шерсть, которую давало скотоводческое хозяйство, являлась сырьем для изготовления войлока, ковров и одежды; дерево получали из лесов, через которые проходили кочевые переходы.

В связи с переходом к оседлости и земледелию, татары стали строить в Крыму жилища по образу кочевых юрт: их стены делались плетеными только с двух сторон, обмазывались глиной и белились. Крыши устанавливались горизонтальными, позднее – двускатными, и покрывались землей. Под влиянием соседей-греков, татары научились делать черепицу из обожженной глины: двускатные крыши, в зависимости от района и местных условий, стали покрываться черепицей, особенно у зажиточных классов. С проникновением в горную часть Крыма, татары столкнулись с народом германского племени, готами, которые появились в Тавриде, по мнению ученого, в первые века нашей эры с берегов реки Вислы или из Скандинавии в период великого переселения народов из Азии на запад, когда греческие колонии вели оживленную торговлю с северными кочевыми племенами.

У готов татары научились строить деревянные дома наподобие северных бревенчатых изб: такие дома сохранились в горной части Крыма, особенно в деревнях Буюк, Кучук, Узенбаш и других, а также в полосе, подверженной частым землетрясениям, поскольку являлись хорошими антисейсмическими сооружениями. Система таких построек была возможна там, где местность изобиловала строевым лесом. Строились такие дома из столетнего дуба, распиленного на толстые пластины, которые укладывались ребром друг на друга и по углам здания скреплялись системой «макас» – зарубок, для большей крепости и устойчивости, на боковых фасадах ряд бревен сверху донизу скреплялся накладными дугами «пайванд» с использованием деревянных шипов «чуп». Характерно, что такие дома воздвигались без применения каких-либо железных изделий, даже в виде железных гвоздей. Дома, построенные таким способом, назывались «чуйли-чатма-эв».

По мере перехода к земледелию, оседлому быту, с усилением влияния торгового капитала мусульманского Востока и ближайших соседей – древних обитателей Крыма – греков, готов и аланов, у татар начало быстро развиваться строительное искусство. Вместе с торговым капиталом, с конца XIII в. в Крым из крупных торговых центров, посредством различных дервишей и шейхов – агентов ислама, проникало мусульманство. Особенно оживленные торговые отношения установились с Малой Азией, с ее тогдашним центром – городом Конией. Первая половина XIV в., по мнению У. А. Боданинского, была временем наибольшего политического и экономического могущества Золотоордынского государства, ценнейшей составной частью которого являлся Таврический полуостров. Через крымские населенные пункты Сугдею, Каффу, Калами, Чембало и город Крым лежали оживленные торговые морские и караванные пути между Азией и Европой. Наличие здесь сначала греческих, потом итальянских торговых колоний делало Тавриду одним из важнейших узлов тогдашних мировых экономических и политических взаимоотношений; в зимнее время Крым являлся резиденцией правящей верхушки Золотоордынского государства.

Торговый капитал обратил свое внимание в Крыму на монументальное строительство, связанное с его выгодами. Татары к началу XIV в. окончательно приняли ислам, и для его укрепления среди народа, не забывшего еще своих языческих традиций, в первой половине этого века был построен ряд мечетей как опорных баз религиозной пропаганды: в деревне Колечь и городе Старый Крым (ныне – Феодосийского района), Шейх-кое (под Симферополем), Чуфут-Кале (под

Бахчисараем). Еще раньше, в первой четверти XIII в., турками-сельджуками была построена купольная мечеть в Судак. Ученый, судя по развалинам, относил эти памятники к работе малоазиатских строительных мастеров по типу более ранних византийско-сельджукских сооружений центрально-купольной системы. Все эти здания были возведены из камня на прочном известковом растворе с примесью морского песка и частично толченого кирпича. Этот раствор употреблялся греческими мастерами в древнерусском церковном строительстве. Художественное оформление как наружных фасадов, так и внутренних помещений производилось при помощи искусной архитектурной и скульптурной техники. Часто прибегали к декорированию расписными и поливными изразцами, которые привозили из Персии и Малой Азии.

Наряду с культовыми сооружениями, строились медресе – высшие школы мусульманской культуры, в которых готовили кадры правоведов, духовенства и государственного аппарата. Типичными сооружениями считались: медресе начала XIV в. в Старом Крыму, рядом с мечетью Узбека, и медресе «Зынджирлы» конца XV – начала XVI в. в Салачике около Бахчисарая. Они строились малоазийскими мастерами из камня, бута, с облицовкой тесаным камнем по принципу открытого двора в центре, вокруг которого проходила аркада на колоннах, с помещениями для занятий и общежития, студентов. Позже, в середине XVI в. такие медресе возводились с более упрощенным планом – вокруг центрального дворика непосредственно располагались помещения для занятий и общежития, без промежуточной крытой аркады с рядом куполов: к ним относится медресе в деревне Улакы под Бахчисараем.

Для мусульманского торгового капитала нужны были укрепленные безопасные сооружения в городах, лежащих на караванных путях. В 1926 г. в Старом Крыму археологической экспедицией был обнаружен «караван-сарай» – стоянка для караванов и место складирования купеческих товаров. Строились эти сооружения в виде четырехугольного форта с высокими стенами из камня, с бойницами и несколькими укрепленными воротами. Вокруг центрального открытого двора располагалась аркада с колоннами в два этажа. В нижнем этаже размещались складские помещения для товаров, на втором этаже – балкон с балюстрадой и помещения для приезжавших с караваном купцов. В центре двора имелся водоем с проведенной по глиняным трубам водой из близлежащих источников. Стены воздвигались из бутового камня-известняка из местных каменоломен на известковом растворе с примесью кварцевого или морского песка. В различных горизонтах высоких стен укладывались связанные между собой дубовые «лежни», которые придавали стенам антисейсмическую устойчивость: этот древний способ применялся в странах, подверженных частым землетрясениям, таких как Персия и Малая Азия.

Таковыми же антисейсмическими сооружениями являлись высокие цилиндрические башни мечетей – «минаре», которые часто строились на дубовых сваях, из тесаного камня, укрепленного системой железных скоб, с заливкой свинцом или серой. Для изучения истории монументального зодчества имели большое значение сохранившиеся, главным образом, в Бахчисарае и его районе, «дурбе» (мавзолей), в которых хоронили представителей правящего класса – ханов, беков и их семьи. Эти довольно значительных размеров четырех- или восьмиугольные сооружения из тесаного камня, покрытые «полуциркульным» куполом, в подземной части которого располагался склеп для покойников, покрытый таким же куполом, выложенным из камня. Иногда купола возводились из обожженного кирпича,

как купол дурбе «Диляра-Бикеч» в Бахчисарае. Дурбе возводились также в виде четырех- или восьмиугольной открытой ротонды с арками на колоннах, как памятник на ханском кладбище в Бахчисарае.

Строя такие монументальные усыпальницы, по мнению ученого, правящие верхи крымского юрта старались, с одной стороны, увековечить себя и свой род, а с другой – как бы обеспечивали себя долговечным и красивым жилищем после смерти, следуя «хадису», изречению Мухаммеда «Этот мир тленный – будущий же вечен». Простых смертных хоронили в обыкновенных могилах под открытым небом: надгробный камень у изголовья имел высеченную «рельефом лаконическую надпись» с именем покойника и годом смерти. В северной, степной части Крыма надгробные камни в большом количестве даже не имели никаких надписей, взамен которых высекался родовый знак – «тамга».

Обратимся к разделу исследования «Скульптура», в котором сообщалось, что пластической скульптуры, в европейском смысле, у татар не было. В языческий период, когда они поклонялись небу и светилам, скульптура применялась в религиозном культе. У Бату-хана (Батые) по обе стороны входа в его юрту стояли огромных размеров идола, сделанные из войлока. В развалинах Хара-хото и других местах внутренней Монголии экспедицией П. К. Козлова найдены многочисленные скульптурные изображения идолов из глины и соломы (самак)². По мнению ученого, мусульманство наложило определенный отпечаток на быт и культуру татар: оно направило скульптуру на удовлетворение культурных потребностей жителей Крыма. Огромное количество надгробных памятников разнообразного вида, с той или иной обработкой деталей для представителей разных классов, требовало работы искусных мастеров-скульпторов.

Археологические раскопки в Эски-Юрте³ под Бахчисараем и в Старом Крыму дали богатый материал по истории прикладной скульптуры. По мнению автора, «надгробные памятники XIV в. в большом количестве являлись художественными произведениями по своим общим формам, техническому умению обработать огромные монолитные глыбы мрамора и камня, различными письменами и хорошо выполненной орнаментацией»⁴. По утверждению ученого, по этим памятникам можно было изучать историю классовых взаимоотношений в различные периоды существования Крымского юрта. С другой стороны, скульптура – это часть строительного искусства. Скульптурной обработкой, в большинстве случаев тонкой и художественной, покрывались отдельные части зданий: порталы, наличники дверей и окон, капители и базы колонн, потолки, деревянная отделка жилищ – «михрабы», алтарные ниши мечетей, «шеффе» – парапеты площадок, минаретов. Типичным памятником в этом отношении являлись мечеть и медресе Узбека в Старом Крыму, построенные в 1314 г. Здесь скульптура являлась одной из сильных форм агитационного усиления значимости сооружений в глазах масс. Скульптура имела возможность развиваться и в применении к кустарной промышленности: в изделиях из глины, дерева и металла, которые употреблялись в быту.

В разделе «Живопись» У. А. Боданинский утверждал, что она не могла развиваться в таком виде, как в Западной Европе, из-за «парализующего» влияния мусульманства. Получила развитие прикладная живопись в применении к потребностям религиозного культа и строительного искусства: при оформлении внутренних и наружных убранств культовых сооружений, жилищ правящего класса, впоследствии – и торговой буржуазии. С принятием ислама в начале XIV в., среди татар распространились культовые книги, главным образом Коран, которые были

написаны в центрах мусульманской культуры особыми мастерами-каллиграфами («хаттатами»). В связи с отсутствием книгопечатания и большим спросом на религиозную литературу, развивались многочисленные школы «хаттатов» в Багдаде, Дамаске и, впоследствии, в Константинополе.

Для поднятия ценности, значимости и улучшения распространения культовой книги, ее внешнему виду придавалось большое значение. Хаттат, наряду с прекрасным знанием всех арабских шрифтов (куфи, рыка, насх, сулюс, диван и другие), должен был быть прекрасным знатоком стиля, миниатюристом, знать технику художественного оформления архитектурных частей зданий. Школа крымских хаттатов развивалась под влиянием арабской и турецкой школ с XVI в., главным образом в Бахчисарае и Кара-Су-Базаре; они также использовались как живописцы-графики при оформлении стен, окон, потолков культовых сооружений – мечетей, гробниц, надгробных памятников, дворцов правящей знати и жилищ торговой буржуазии. Монументальная стенная живопись требовала определенных технических знаний по обработке стен различного рода штукатурками с примесью извести, алебаstra и прочих минеральных и растительных красок. Поверхность штукатурки умели хорошо шлифовать, чем достигалась хорошая фактура и большая прочность, в результате чего не требовались частая побелка и окраска стен.

В исследовании У. А. Боданинского содержался раздел «Кустарные производства», в котором отмечалось, что государство способствовало развитию ремесел, создавая особые привилегии ученым, специалистам, мастерам. В Кара-Куме при первых чингизидах работали и европейские строительные мастера; после взятия монголами Самарканда, Багдада, Тавриза и других крупных мусульманских центров, большое количество ремесленников было переселено в центры монгольского государства. Вместе с кочевыми улусами двигались и ремесленники, которые на улусных стоянках быстро развертывали свои мастерские в специально отведенных местах. Этот принцип расположения мастерских по цехам, по мнению ученого, был впоследствии применен при основании городов Крыма, Бахчисарая, Кара-Су-Базара. В период феодализма, с начала XVI в. в цеха ремесленников проникает мусульманское религиозное устройство: они получили четкие организационные формы и писаные статуты «селеф-наме» (писоля в Средней Азии), созданные на основе шариатского права.

В Крыму сформировались цеха: пастухов, кожевников, плотников, кузнецов, литейщиков, медников-лудильщиков, горшечников, сапожников-сафьянщиков, золотых дел мастеров, пекарей, каменщиков, штукатуров, портных, калиграфов, бакалейщиков, мануфактуристов, ткачей и т. д. По старинному списку, сохранившемуся в Бахчисарайском музее, число цехов доходило до 50. При этом в Турции количество цехов (эвлия-члеби) доходило до 1 100: каждый цех существовал как особая организация, в которую входили и собственники, и рабочие, никакого классового деления не было. Поэтому цех находился всецело в руках почтенных собственников или их ставленников. Все цеха объединялись в общий союз «эспаф», во главе которого стоял выборный орган из трех лиц. Кроме того, по линии шариата союз возглавлялся религиозным протекторатом «накыба» и его помощника «сер-чешли», которые должны были происходить из «сеидов» – потомков Мухаммеда по линии его дочери Фатимы, жены халифа Али. Такая организация придавала производствам чрезвычайно «застывший характер».

После присоединения Крыма к царской России, с конца XVIII в. и на протяжении всего XIX в., производства были предоставлены сами себе. Они замкнулись

в тесные рамки национальных и шариатских традиций, и для них остались неизвестными появившиеся технические достижения и рациональная организация труда. Ученый указывал: «Все станки и орудия производства до Октябрьской революции не изменились, в сравнении с теми, какие были сто лет назад, оставаясь в виде застывших архаических пережитков»⁵. Производительность труда была довольно низкой поскольку все изготавливалось ручным способом: затрачивая на производство много рабочей силы, кустари не могли полностью продать свою продукцию, ибо рынок сбыта ограничивался только Крымом и южной частью Украины. С севера надвигался зарождавшийся русский промышленный капитализм с более дешевой фабрично-заводской продукцией.

В таком положении народное искусство и промыслы просуществовали до Октябрьской революции, пережив тяжелый кризис империалистической и гражданской войн. В 1921-1922 гг. кустарная промышленность «получила сокрушительный удар» во время голода и повальной эпидемии сыпного тифа. В качестве примера ученый приводил следующие данные: в цехе войлочников в Бахчисарае в 1914 г. числилось 60 человек, в цехе торбочников – 85; к 1924 г. в первом цехе осталось 12 человек, во втором – 13. Такое снижение количества рабочих коснулось и остальных производств.

Отдельно У. А. Боданинский останавливался на описании кожевенного производства в Крыму. На бахчисарайских и карасубазарских кустарных заводах выделялся цветной и черный сафьян хорошего качества. Обработка производилась ручным способом в примитивных известковых ямах, в проточной воде. Дубление осуществлялось листьями кустарника «сумах», который произрастал в диком виде в крымских лесах; листья толкли в особых кожаных ступах и настоем их дубили сафьян в деревянных чанах. Окраска производилась растительными, животными и минеральными красителями: желтый цвет давала обыкновенная баранья желчь, корень барбариса и целый ряд других растений; красный цвет получали из кошенили, синий – из индиго, из спелых плодов тутового дерева, обработанных известью; коричневый цвет – из зеленой оболочки грецкого ореха; черный – из чернильных орехов, привозимых из Передней Азии. В Бахчисарае и Карасу-Базаре насчитывалось до 30-40 мелких кустарных заводов, на которых работало до 800 человек.

Продукция кожевенных кустарных заводов, в виде цветного сафьяна и юфти, шла на местный рынок для кустарной обувной промышленности; небольшой избыток вывозился на Украину – красные черевички и сапожки там делались из крымского сафьяна. В крымских городах выделялась также сыромятная кожа крупного рогатого скота, которая шла на изготовление в местных мастерских конской сбруи и особой обуви «чарык» (постолы). Беднейшее крестьянство, батраки, чабаны являлись потребителями такого рода обуви. По утверждению ученого, изготовление мягкой сафьяновой шитой обуви издавна было известно татарам. Цех «такиджи» особенно стал развиваться с основанием городов: в Бахчисарае сохранились целые ряды с крытой галереей на столбах, с подъемными деревянными ставнями, в которых были расположены эти мастерские с одним или двумя учениками и подмастерьями. Скотоводческое хозяйство обеспечивало сырьем производство шапок и шуб. Из шкур тонкорунных овец изготавливали шапки, которые носило все татарское население Крыма, причем тончайшие каракулевы шапки черного, серого и коричневого цветов шли на удовлетворение потребностей состоятельных граждан. Из дубленных овчин изготавливались тулупы и полушубки, которые

носило все население как городов, так и деревень; излишняя продукция вывозилась на ярмарки в Каховке и Алешках.

При описании ткацкого дела в Крыму ученый отмечал, что, несмотря на переход с середины XVI в. татар к частичному земледелию, скотоводство оставалось одной из ведущих отраслей региона. Для его развития в северной части Крыма и на Керченском полуострове имелись обширные степи, пригодные для разведения особых пород овец: «сичей» и «малич». С лета до начала зимы, когда степные пастбища выжигались палящим солнцем, отары овец поднимались на нагорные пастбища – «яйлы», где имелись стоянки («кош» или «ком»), которые охранялись организацией пастухов «чабанов» во главе с «одоманом» (атаманом) – начальником чабанов сводного стада. Ученый считал, что эта организация носила следы древнего происхождения. Скотоводческое хозяйство снабжало сырьем как кожевенное производство, так и некоторые отрасли ткацкого дела: летом стригли овец, шерсть которых шла на выработку войлока, грубого сукна – «сокма», ковров без ворса («килимов») и торб для лошадей.

В исследовании представлена информация о технологии обработки шерсти, которая сводилась к следующему: шерсть сбивалась особым инструментом («джай»), на изогнутый деревянный стержень которого натягивалась толстая струна из бараньих кишок. Инструмент брали в левую руку в горизонтальном положении, и когда струну приводили в движение, путем захватывания ее выступающим краем деревянной киянки в правой руке мастера, клочья шерсти захватывались колеблющейся туго натянутой струной и с силой трепались в воздухе, выделяя едкую пыль. После этого взбитую шерсть равномерно расстилали по мату, изготовленному из гибких стеблей вьющихся растений, поливали из особых сосудов (тыква с отверстиями), заворачивали в мат и завязывали веревками; полученный удлиненный рулон катали по полу определенное время взад и вперед; разворачивали и те же самые движения проделывали руками, без помощи мата.

Таким образом получался войлок различного качества, толщины и размеров. Иногда войлок делался узорчатым: для получения требуемого рисунка на поверхность полуготового войлока укладывали куски окрашенного тонкого войлока по требуемой схеме, и дальнейшую работу проводили вышеуказанным способом. Благодаря тому, что в процессе валяния волокна неокрашенной шерсти смешивались с волокнами окрашенной, узорчатый войлок приобретал мягкое, гармоничное сочетание цветов. Такой войлок приобретали состоятельные люди и его использовали на покрытие полов в мечетях. Простой войлок использовался в крестьянском быту и беднейшим населением городов. С развитием садоводческого хозяйства войлок использовался при хранении фруктов зимой и при их отправке поздней осенью на север. «Кишмы» – ковры без ворса – ткались на особых наклонных ткацких станках, которые еще сохранились к середине 1930-х гг. у торбочников.

Работа проводилась примитивными способами, производительность труда была ничтожной, продукция удовлетворяла только потребности состоятельных классов. В XVIII в. это производство достигло довольно успешного развития, мастера научились выработать хорошую пряжу и окрашивать ее в прочные, гармоничные цвета с использованием растительных, животных и минеральных красок.

Техника коврового дела требовала строго придерживаться геометрии изображаемых предметов, поэтому все орнаменты изображались только сочетанием горизонтальных, вертикальных и косых линий под углом в 45 градусов и весьма отдаленно

напоминали свои первообразы. На примитивных горизонтальных деревянных станках женщины-крестьянки занимались изготовлением грубого сукна «сокма», которое потом сукновали на особых мельницах-сукновалках, расположенных по течению быстрых горных речек. Во второй половине XIX в. это производство прекратилось в связи с завоеванием крымского рынка русским промышленным капиталом.

В разделе «Ткани» ученый констатировал, что в Крыму разводили лен, из которого делали хорошую пряжу. В каждой трудовой татарской семье был горизонтальный ткацкий станок очень примитивной системы. На этих станках, сохранившихся еще в Крыму, татарские женщины производили домотканый холст хорошего качества, полотенца, головные покрывала, скатерти, салфетки и прочие. Для получения узоров пряжу окрашивали прочными растительными красками красного, желтого, оранжевого и синего цветов, которые не выцветали при стирке. Часто ткани изготавливались из комбинации льняной, бумажной и шелковой пряжи: бумажная пряжа ввозилась, а шелк имелся в Крыму. В частности, в деревне Бадрак под Бахчисараем крестьяне занимались шелководством. По информации У. А. Боданинского, в каждом татарском дворе в Бахчисарае до 1930-х гг. сохранились столетние тутовые деревья; под Старым Крымом уцелели остатки целой рощи тутовых деревьев, которые были посажены в конце XVIII в. по распоряжению русского правительства как поощрение шелководческого хозяйства.

Для развития вышивки в Крыму имелась сырьевая база в виде льноводческого и шелководческого хозяйства: была создана целая школа народной вышивки, которой занимались женщины «из трудовых масс». Значительного совершенства достигли как «техническая», так и художественная вышивка. Узоры создавались благодаря богатой природе, под влиянием искусства греков, готов и других народов, обитавших в Крыму задолго до появления татар, а также искусства Малой Азии, Сирии, Месопотамии и Персии, с которым татары познакомились с проникновением в Крым торгового капитала этих стран. Краски для окрашивания шелковых ниток добывались из местных растений, частично завозились в Крым (индиго, кошениль, чернильные орешки).

Рисунки, отличавшиеся большим разнообразием, разрабатывались коллективно всеми, занимавшимися этим производством, и передавались из семьи в семью, иногда путем взаимного обмена. Вышивкой занимались в районах городов Бахчисарая, Кара-Су-Базара, Евпатории, восточной и южной частях Крыма. Продукция производства шла на удовлетворение бытовых потребностей состоятельной части населения; особенно часто вышивка использовалась при подготовке убранств для свадеб, праздников и других торжеств. Ученый отмечал, что в вышивке были выработаны определенные производственные и художественные традиции, которые оставили до первой четверти XX в. у трудовой части женского населения прочные производственные навыки, и предлагал их «теперь использовать в процессе реконструкции кустарной промышленности»⁶.

Как один из видов производства ученый выделял обработку дерева, которая сохранилась у монголо-татар со времен кочевого хозяйства. Устройство самой юрты и несложной бытовой обстановки предполагало использование такого удобного материала как дерево. Легкие деревянные каркасы юрты, круглые столики «копы», люлька для ребенка, полки внутри юрты, седло для езды, кибитка, хозяйственные предметы требовали определенного мастерства для их изготовления. Этот вид производства стал быстро развиваться с постепенным переходом

к земледельческому хозяйству, оседлому образу жизни и появлением таких культурных центров, как города Крым, Кырк на месте Эски-Юрта (позднее Бахчисарай), Карасу-Базар, Кезлев (Евпатория). Развитие обработки дерева было вызвано необходимостью строить постоянные жилища, оформлять их внутреннее устройство, созданием новых хозяйственных сооружений, орудий и инвентаря.

С проникновением в Крым торгового капитала мусульманского Востока и приходом различных мастеров из Малой Азии, Персии и Сирии, деревообработка получила новое развитие. Ханы и феодальные князья «беки» предпочитали строить себе замки и дворцы по образу восточных мусульманских богачей. Появились кадры мастеров по обработке дерева: плотники, токари, инкрустаторы, живописцы и позолотчики по дереву, которые объединялись в цеховые организации. С переходом феодализма к торговому капиталу, с появлением в XVII в. местной торговой буржуазии и укреплением мусульманства, началось строительство новых культовых сооружений, мечетей.

Развитие и укрепление земледельческого хозяйства вызвало развитие крестьянского строительства в больших размерах. Ученому были известны сведения о существовании целых артелей плотников, резчиков и токарей, которые работали на строительстве деревень в горном, восточном и южном Крыму с начала XVII в. до конца XIX в. Обилие лесов в этих частях Крыма, характер горного хозяйства и быта способствовали строительству деревянных жилых и хозяйственных сооружений с применением местного камня – известняка и гранита. В связи с этим, часто строительные мастера совмещали несколько специальностей: плотник был и каменщиком, кровельщиком, водопроводчиком; при этом техника стояла на низкой ступени развития и не всегда требовала узкой специализации. В Крыму, по информации автора, в некоторых национальных районах сохранились старые мастера, совмещавшие несколько специальностей.

В своем исследовании У. А. Боданинский отмечал еще один вид производства – обработку металла. В хозяйстве кочевника степняку-коннику, находящемуся в постоянном движении со своими стадами, необходимы были: конская сбруя, домашняя утварь и оружие для защиты от людей и зверей. Особенно необходимо было военное снаряжение и вооружение в период поиска более обширных пастбищ, когда приходилось захватывать территории, на которых обитали другие племена и народы. С момента перехода к оседлому земледельческому образу жизни появилась необходимость в сельскохозяйственных орудиях. Таким образом, по мнению ученого, обработка железа, кузнечное дело иковка металла издавна имели место среди монголо-татар. Кроме того, в связи с обогащением правящих слоев населения, захватом огромных территорий чужих земель, «соприкосновением с другими более культурными народами», бытовые потребности монголо-татарских правящих классов стали развиваться: появилась потребность в украшении быта и одежды. Особенно отмечалась страсть к украшениям, особенно среди женщин, хотя и мужчины высших сословий во главе с ханом тоже любили украшать себя различными драгоценностями.

Развивалось производство по обработке драгоценных металлов и камней, сначала при помощи китайских, затем персидских, арабских и европейских мастеров. Ученый ссылался на наблюдения В. Рубрука⁷, согласно которым при Мангу-хане в Кара-Коруме работал один из французских искусных мастеров этого производства. Особенно быстро производство по обработке драгоценных металлов и камней стало развиваться с переходом на земледельческий оседлый образ жизни, развитием

городов, появлением торгового капитала, формированием городской буржуазии. Кроме этого, в городах появились цеха кузнецов, оружейников, лудильщиков, золотых дел мастеров. Производство по обработке металлов развивалось, также благодаря экономическим и культурным связям с другими народами: арабами, персами, греками, готами и аланами. По путям проникновения торгового капитала мусульманского Востока, в Крым попадало много различного рода мастеров и ввозилось множество искусных изделий, в виде оружия из Дамаска, бытовой и культовой утвари из Багдада, Капри, Кони, Бухары, Константинополя и других. Это еще более способствовало развитию промыслов, совершенствованию техники и художественному оформлению изделий. В таком виде, по мнению ученого, большинство кустарных национальных производств дошло до 1930-х гг.

Заключительная часть исследования У. А. Боданинского посвящена современному состоянию и перспективам развития народного искусства и производства у крымских татар. Ученый констатировал: «Все отрасли национального культурного производства в Крыму в настоящее время захвачены мощной волной реконструкций»⁸. В центрах татарского кустарного производства – городах Бахчисарае и Карасу-Базаре – проходила «лихорадочная» работа по коллективизации и механизации производства. Вместо отдельных мелких частных мастерских, с маленькой производительностью труда, допотопными орудиями и методами производства, появились коллективные формы в виде артелей по обработке дерева, волокна, металлов, консервной промышленности и разработке природных богатств. В Бахчисарае открыта трикотажная фабрика «Орнек» с 200 рабочими, Ткацко-вышивальная женская артель со 120 членами для производства на экспорт. Открыто предприятие по разработке месторождений вулканической глины «кил», которая использовалась в мыловаренной промышленности. Всего создано три фабрики и 10 артелей, на которых работало около тысячи человек. Фабрики и артели создавались по пятилетнему плану, с учетом сырьевой базы, природных богатств и производственных навыков коренного населения и национальных меньшинств.

Ученый отмечал, что после Октябрьской революции в Бахчисарае была открыта Художественно-индустриальная школа (Феодосийский техникум кустарной промышленности) для подготовки квалифицированных кадров для различных отраслей промышленности. Техникум окончило значительное количество молодых работников, часть из которых работала на производстве в Крыму, другая часть – после производственной практики повышала свою квалификацию во вузах. Техникум подготовил также молодых и даровитых специалистов изобразительного искусства. У. А. Боданинский отмечал большое значение создания в бывшем Ханском дворце в Бахчисарае Государственного музея, где собирались, изучались и экспонировались памятники татарской культуры, искусства и производства, «наряду с другими своими задачами в связи с содействием проведению культурной революции среди татарских трудящихся масс и реконструкции национальных кустарных промыслов»⁹.

Касаясь перспектив развития народного искусства и производства, ученый отмечал, что в дальнейшем, когда отомрут старые формы хозяйства, быта и культуры, со всякого рода архаическими пережитками, когда трудящиеся массы татар «страхнут с себя затемняющие и задерживающие всякий прогресс религиозные и шариатские пути», искусство и производство должны вступить на широкий путь социалистического развития. В системе хозяйства социалистического государства не будет места отсталым производствам с ничтожной производительностью труда.

Работа всех артелей строилась на основе планирования и механизации производства с максимальным вовлечением в него трудящихся из числа коренного населения и национальных меньшинств, особенно женщин. При этом, по мнению ученого, учитывались моменты классовой борьбы: «из артелей изгонялись все элементы, связанные с кулачеством, дворянством, духовенством и торговцами классово-чуждой пролетарскому государству идеологией. Таким образом, в производственных коллективах, на фабриках и заводах выковывается татарский пролетариат, который выделяет из своих рядов передовиков в партию, на ответственную работу в советском аппарате и на учебу в вузах и втузах»¹⁰.

В заключение отметим, что исследование У. А. Боданинского показывает глубокие знания ученым народного искусства, быта и кустарных производств татарского населения Крыма. Современным исследователям региона сведения, приведенные в работе ученого, могут показаться достаточно известными эпизодами из истории татарского народа Крыма. Однако, по нашему мнению, для 1930-х гг. исследование У. А. Боданинского было научным и прогрессивным, поскольку сам ученый был одним из первых советских этнографов крымско-татарского народа и отдал все силы на изучение его исторического прошлого. Представленная информация позволит расширить источниковедческую базу по истории татарского народа в Крыму и может быть использована в исследовательских и образовательных целях.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. *Боданинский У. А.* Народное искусство и производство у крымских татар (см.: Архив Российской академии наук (РАН), ф. 677, оп. 5, д. 111, л. 1-21).
2. *Козлов П. К.* Монголия и Амдо и мертвый город Хара-хото. – Москва-Петроград, Государственное издательство. – 1923. – 677 с.
3. *Баширов А. С., Боданинский У. А.* Памятники крымско-татарской старины. Эски-Юрт // Новый Восток. – 1925. – № 8-9. – С. 295-311.
4. *Боданинский У. А.* Указ. соч. (см.: АРАН, ф. 677, оп. 5, д. 111, л. 8).
5. Там же, л. 11.
6. Там же, л. 16.
7. *Плано К. И., Рубрук В.* История монголов. Путешествие в Восточные страны. – Санкт-Петербург, 1911. – 224 с.
8. *Боданинский У. А.* Указ. соч. (см.: АРАН, ф. 677, оп. 5, д. 111, л. 19).
9. Там же, л. 21.
10. Там же.

Список литературы

- Баширов А. С., Боданинский У. А.* Памятники крымско-татарской старины. Эски-Юрт // Новый Восток. – 1925. – № 8-9. – С. 295-311.
- Козлов П. К.* Монголия и Амдо и мертвый город Хара-хото. – Москва-Петроград, Государственное издательство. – 1923. – 677 с.
- Плано К. И., Рубрук В.* История монголов. Путешествие в Восточные страны. – Санкт-Петербург, 1911. – 224 с.

References

- Bashirov A. S., Bodaninsky U. A. *Pamyatniki krymsko-tatarskoystariny. Eski-Yurt* [Monuments of the Crimean Tatar antiquity. Eski-Yurt]. IN: *Novy Vostok*, 1925, vol. 8-9, pp. 295-311.

Kozlov P. K. *Mongoliya i Amdo i mertvy gorod Hara-hoto* [Mongolia and Amdo and the dead city of Khara-Khoto]. Moscow-Petrograd, State Publishing House, 1923, 677 p.

Plano K. I., Rubruk V. *Istoriya mongolov. Puteshestviye v Vostochnye strany* [History of Mongols. Travel to the Oriental countries]. St. Petersburg, 1911, 224 p.

Сведения об авторе

Киселев Михаил Юрьевич, кандидат исторических наук, руководитель Центра учета и обеспечения сохранности документов Архива Российской академии наук, e-mail: kiss_RAN@mail.ru

About the author

Mikhail Yu. Kiselev, Candidate of Historical Sciences, Head of the Center for Accounting and Document Security, the Archive of the Russian Academy of Sciences, e-mail: kiss_RAN@mail.ru

В редакцию статья поступила 27.04.2020, опубликована:

Киселев М. Ю. Народное искусство и производство у крымских татар: исследование У. А. Боданинского // Гасырлар авазы – Эхо веков. – 2020. – № 3. – С. 129-141.

Submitted on 27.04.2020, published:

Kiselev M. Yu. *Narodnoe iskusstvo i proizvodstvo u krymskih tatar: issledovanie U. A. Bodaninskogo* [Folk art and manufacturing of Crimean Tatars: a study by U. A. Bodaninsky]. IN: *Gasyrlar avazy – Eho vekov*, 2020, no. 3, pp. 129-141.